

СВЯЩЕННИК
ТИМОФЕЙ АЛФЕРОВ

ПОНТИЙ ПИЛАТ

ОПЫТ ИСТОРИКО-
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ

Тимофей Алферов

Понтий Пилат. Опыт историко-художественной реконструкции

«Издательство «Перо»

2020

УДК 23/28
ББК 86.372

Алферов Т.

Понтий Пилат. Опыт историко-художественной реконструкции /
Т. Алферов — «Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-00150-828-1

Десять лет пребывания Понтия Пилата в должности префекта Иудеи ознаменовались судьбоносными для античного мира событиями. Эти события отразились в Евангелии, а также в неевангельских источниках. Предлагается попытка восстановить для современного читателя картину зарождения христианства под новым углом зрения. Постараемся взглянуть на происшедшее сквозь бойницы Антониевой крепости в Иерусалиме.

УДК 23/28

ББК 86.372

ISBN 978-5-00150-828-1

© Алферов Т., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Священник Тимофей Алферов Понтий Пилат. Опыт историко-художественной реконструкции

*Посвящается памяти М. А. Булгакова с глубокой благодарностью
за идею*

Предисловие

Перед вами не роман и не повесть. Это сочинение не соблюдает, как положено, общепринятых законов такого жанра, как исторический роман. Александр Дюма предлагал романисту вешать свою картину на гвоздь истории. Это означает, что знаменитого классика поневоле стесняли рамки исторической достоверности, и он не ставил себе целью соблюсти ее в точности. Зато он в точности соблюдал законы литературного жанра, все эти завязки, кульминации, развязки, любовные линии, собирательные образы и т. д. В нашем случае этих «исторических гвоздиков» все-таки несколько, и не всякая картина, которую хочется нарисовать, на все из них может быть повешена. Жизнь сложна, она не похожа на роман, и соединить в одном сочинении историческую достоверность и литературные каноны не всегда получается.

Современный кинематограф не столь давно породил жанр художественно-документального фильма, в котором авторам более или менее удается соединить и документальное исследование, и художественную реконструкцию, которая, конечно, получается ограниченной, охватывающей лишь отдельные эпизоды и сцены, – в отличие от обычных экранизаций на исторические темы. В литературе тоже жанр исторической реконструкции используется широко. Суть его сводится к добровольному самоограничению автора в полете художественной фантазии, в самоподчинении известным историческим фактам. Вот примерно по такому пути и попытался двинуться автор в своей книге. Ведь, с другой стороны, прав и Карамзин: история принадлежит поэту. Четко выписанные в первоисточниках события, последовательно сменяющие друг друга, никогда не дадут полноты картины, ибо чаще всего они дают мало возможностей проникнуть во внутренний мир героев, распознать мотивацию их поступков. Потому историческая реконструкция поневоле должна быть художественной – хотя и в рамках исторического канона.

Вот так и объясняется двойное прилагательное в нашем подзаголовке. Теперь два вводных слова о нашем герое.

В христианском символе веры помимо Иисуса Христа упомянуты еще два человеческих имени: Дева Мария и Понтий Пилат. Наш герой – это человек, не раз привлекавший к себе внимание в связи с его ролью в евангельских событиях. Понятно, что префект Иудеи (так правильно произносилась его должность, о чем имеется даже древняя, откопанная археологами, надпись на камне), одной из самых отдаленных и небольших по территории провинций, не мог быть фигурой, заметной в истории сам по себе, не мог бы попасть на страницы повествований серьезных римских историков – Светония и Тацита. Однако о нем мы знаем кое-что и помимо евангельского первоисточника, благодаря хронике Иосифа Флавия.

Но и эти сведения крайне скупы и отрывочны, что оставляет место художественному вымыслу. По сути, у нас есть буквально несколько достоверных фактов из его биографии, у нас есть общий контекст римской и иудейской жизни того времени. И между отдельными точками на жизненной ленте Пилата, которые мы принимаем, доверяя Иосифу и евангелистам, у

нас остается достаточное поле для художественной «достройки» его жизнеописания, которое законами жанра разрешается заполнять самому сочинителю.

Разумеется, подлинные факты из его жития мы постараемся тщательно сохранить, давая им приоритет, причем в примечании дается ссылка на первоисточник. (Быть может, эти примечания – если ссылки тщательно прочесть – окажутся более информативными, чем сам основной текст). Там же, где ссылки нет, автор пользуется правом художественного вымысла. Достоверных и важных событий из жизни Понтия Пилата (помимо евангельского сюжета) Иосиф Флавий приводит всего лишь три. Это суть истории, во-первых, с изображениями кесаря, во-вторых, с постройкой водопровода и, наконец, в-третьих, с самарийским восстанием, поставившим точку в карьере Понтия. Автор позволил себе включить в свое повествование некоторые дополнительные подробности и религиозные мотивации. Полагаю, что имею на это право, ибо для римского читателя Иосиф в своей хронике крайне сдержан в религиозных вопросах. Он принципиально убирает за скобку всякое упоминание о мессианской идее, о Царстве Божием. Об Иисусе он упоминает буквально сквозь зубы (если его знаменитый абзац об Иисусе, действительно, принадлежит его собственной трости). Все это, очевидно, дает автору право внести в рассказ о служении Пилата в своей должности те незначительные детали, которых у Иосифа нет совсем. Да, это остается художественным вымыслом, не более чем предположением, но, на авторский взгляд, вполне правдоподобным.

Легко заметить, что портрет нашего героя в итоге значительно отличается от того, что принят в популярной литературе и в обыденном сознании. Но с авторской точки зрения, именно такой портрет лучше соответствует тем самым скудным фактам, которые у нас все-таки есть. Достаточно напомнить, что именно Понтию Пилату среди римских наместников Иудеи принадлежит самый длительный срок пребывания в должности. Жестокий и жадный, а равно и просто трусливый и малодушный человек (как обыкновенно стало принято представлять Понтия Пилата) не смог бы продержаться в этой должности рекордно длительного времени.

По-видимому, в реальной истории Понтий Пилат был личностью более сложной, а кроме того, эта личность за весь срок своего пребывания в должности (приблизительно 26–37 годы) имела массу поводов к собственному внутреннему развитию. Вызывает искреннее недоумение, почему историки не желают такой перемены в нем даже предположить. Евангельские события, словно плугом, проехали по его судьбе и карьере, а также по его семье, и потому было бы совершенно неправдоподобно полагать, будто и после распятия Иисуса Понтий восседал бы в своем кресле, как ни в чем не бывало. Это, разумеется, не означает, будто он сразу стал бы христианином, или наоборот, гонителем христиан, но в его поступках, а также в поступках близких к нему людей, должны были произойти важнейшие изменения, которые отчасти отражаются на евангельских страницах и в книге Деяний святых апостолов.

Обращаясь к описываемому времени, мы должны попасть в атмосферу трех языков: арамейского, греческого и латыни. Наши герои говорят на трех языках, и быть может, книга выиграла бы от включения цитат на всех трех. Но ради ясности мы ограничиваемся включением лишь нескольких латинских афоризмов и не стремимся употреблять специфическую терминологию римской истории. (Без фасций и проскрипций мы стараемся обходиться для удобства того читателя, который не настолько подкован в латыни, чтобы отличать орации от овуляций, а лекторов от ликторов). Важно помнить одно: в данное время в данной местности еврей и римлянин, если смогут объясниться без переводчика, то, скорее всего, лишь на греческом языке.

Глава 1

Завещание Валерия Грата

Шел 780 год от основания Рима. Нашим счетом это соответствует 26 году так называемой нашей эры. Трибун Гней Понтий Септим сходил на берег Палестинской земли в Кесарии. Более известен он был по прозвищу Пилат, что значит дротик. Так прозвали его еще во время службы на берегах Рейна в первом легионе под предводительством Тиберия, одного из лучших римских полководцев времен Октавиана Августа. Само же прозвище дали ему, то ли за невысокий рост и сухое телосложение, то ли за редкую способность точно метать этот самый дротик в цель.

То был опытный воин, уже перешагнувший ветеранский рубеж двадцатилетней службы, принимавший участие в удачных походах на Рейне в 10–11 годах, когда после страшного поражения консула Вара в Тевтобургском лесу, именно Тиберию выпала задача спасти положение, с чем он успешно справился, остановив и отбросив воодушевленных германцев¹. Успев поворачивать в Германии, Понтий продолжил службу в самом Риме, был представлен лично новому цезарю, то есть тому же Тиберию, сменившему Августа, и наконец, получил самостоятельное назначение на руководящую должность в одну из самых отдаленных от Рима провинций.

Сам Понтий уже бывал здесь, находясь в подчинении префекта Валерия Грата, и потому постепенно вникал в местные особенности. Собственно провинцией Рима эта маленькая земля стала еще совсем недавно. До этого территория всего Израиля: Иудея, Галилея и Самария, была для Рима чем-то вроде вассального соседа. Так было в правление Августа в Риме и Ирода Великого в Палестине. Как бы союз двух правителей, каждый из которых был как бы монархом. Не вполне монархом, каждый по своим политическим причинам. Но сейчас те времена уходили, Палестина постепенно входила в состав Римской империи на правах самой настоящей провинции. Притом она еще не была самостоятельной, а входила в состав провинции Сирия.

В правление Тиберия, в десятые и двадцатые годы, Сирия считалась провинцией относительно спокойной. Особенно на фоне постоянных и серьезных волнений в Германии, на северных Балканах, в Северной Африке и даже в Галлии и Испании. Тем не менее, именно в этой провинции был беспокойный очаг. И это было именно то место, куда был направлен Понтий Пилат.

Главной своей задачей он, конечно, видел поддержание спокойствия, что выражалось в отсутствии мятежей и правильном сборе налогов. По счастью, Тиберий, не будучи личным жадным человеком, вел умную и правильную политику налогообложения и сумел поправить финансовую систему империи, пошатнувшуюся было в последние годы правления Августа². Справедливое и приемлемое налогообложение повсюду, как водится, обычно и определяло спокойствие политическое. Такова общая схема, и Пилат ее, конечно, знал, но уже и ранее, бывая в Палестине, он замечал, что к простой схеме «налоги – мятежи» политическая жизнь здесь не сводится. В иудейской среде волнения возникали как бы ниоткуда, совсем не из-за какого-то экономического бремени, по неясным для римлянина причинам. За причинами этими следовало прозревать лишь некий религиозный фактор. Слишком уникальной была религиозность этих евреев, крайне не похожей на религии других народов, и именно она таила в себе такие опасности, которые сложно было предвидеть заранее...

В Кесарии приморской Понтия и его свиту ожидала специальная резиденция, по сути, целая приморская крепость с роскошным дворцом, отстроенная при Ироде великом, как и многие другие города Палестины.³ Здесь была главная база римского гарнизона, главная пристань в специально сооруженной искусственной гавани, служившая основным источником связи с «большой землей» Рима. Это был прекрасный комплекс античных построек, да и климат здесь

был наиболее мягким и комфортным, сравнительно с более возвышенными районами Иудеи. Сам город в наименьшей возможной степени был иудейским. Это был обычный греко-римский город с многонациональным населением. Но Понтий знал, что основная и наиболее трудная часть его служения пройдет не здесь.

Первым человеком, встретившим Понтия в его резиденции в Кесарии, был грек Гармизий,⁴ секретарь и переводчик при резиденции палестинских префектов. Он был уже преклонных лет, седой и лысеющий, но живой и подвижный, сохраняющий ум, память, а главное – знание всей местной жизни. Для правителя он был просто находкой, источником самых разных сведений о характере местного населения.

Поклонившись и представившись Понтию, он повел его по разным залам и комнатам, показывая их назначение. Главным образом, впрочем, эти сведения нужны были не самому Понтию, бывавшему здесь и ранее, а его жене, Клавдии Прокуле⁵, становившейся теперь здесь полноправной хозяйкой. Оставив ее с детьми и служанками принимать хозяйство, новый префект спешил принимать дела. В рабочем кабинете он перебирал папирусы с отчетами о передвижении денежных средств, о расположении и количестве гарнизонов, – в общем, всей той важной и интересной информацией, которая совершенно не важна нашему читателю.

Под конец всей этой разборки и приема дел, Гармизий вдруг спохватился:

– Да, вот еще Валерий просил передать своему преемнику отдельное письмо, лично и неофициально.

– Интересно, – отозвался Понтий, – давай посмотрю.

Он проверил сохранность печатей, на ходу оценил подлинность приложенного перстня, развернул и прочел следующее:

«Приветствую тебя, пока неведомый мне наследник моего служения.

Кроме всех деловых записей поделюсь с тобой самым важным своим впечатлением. Опасности поджидают тебя с двух сторон. Во-первых, крамольники и убийцы, постоянные любители мятежей. Распинай их нещадно и береги своих мытарей, которые становятся первыми жертвами этих убийц. Во-вторых, врагами твоими будут жрецы их Бога, которые вроде бы всегда выступают против мятежей, но мне думается, это лишь до тех пор, пока мятеж слаб. Невидимая опасность – их постоянная готовность к доносам в Рим, где у них тоже есть свои люди, проводники их интересов. Не верь никому из них. Друзья твои – лишь римские гарнизоны. Но помни, что какими бы ни были твои отношения с их жрецами – держи эти отношения корректными, – главное не порти отношения с их Богом. Скорее всего, жрецы не выражают его воли, и их можно наказать при необходимости. Но с их Богом ссориться не следует никогда.

Боги да хранят Цезаря и тебя.

Валерий Грат»

Понтий присел и глубоко задумался. Строго говоря, по отдельности он не увидел в этом послании ничего нового для себя. О трех указанных опасностях он уже знал или догадывался. Ни с чьими богами, он и так не стал бы портить отношения, и готов был уважать и тех богов, в существование которых несколько не верил. Но вот что побудило Валерия выделить так ярко эту общепринятую в Риме мысль: не ссориться с чужими богами? Чем опасен именно еврейский Бог? И чем можно вызвать его гнев, если никак не трогать его храма?

В самом деле, – думал Понтий, – я же не собираюсь, как Гией Помпей входить в их святилище. Да и тот ведь вошел туда не с целью надругательства. Посмотрел и вышел, ни кодрата не взял из храмовой казны. Велел в тот же день восстановить в их храме служение⁶. Интересно, что Валерий имел в виду? Он как-то сам прогневал их бога? Все это очень странно. И самое странное – их еврейская религиозность. И бог их странен, и служители его еще страннее. Да, в

этой стране все события и действия всех лиц паче всего будут иметь религиозные мотивировки и причины. Одной только правильной экономической политикой тут ничего не решить...

Тяжелые мысли Понтия развеял его ординарец, доложивший о прибытии центурионов. С этого дня именно они становились его главной опорой. Познакомившись с ними, Понтий выслушал их доклады и начал составлять себе примерную смету и расстановку своих военных сил.

В целом положение префекта имело мало степеней свободы. На провинцию с почти миллионным населением, хотя и не большую по площади, он имел всего лишь когорту римских воинов.⁷ Плюс усиление из местных сирийцев, плюс собственно еврейские воины храмовой стражи в Иерусалиме. И плюс к тому воинство четвертовластника Галилеи Ирода Антипы. Этих не римских войск было, разумеется, гораздо больше, чем своих легионеров. И эти воины были, так сказать, союзной армией на случай появления общего врага, но никак не подотчетными Понтию силами. Насколько были они надежны? Это зависело от дальнейшей линии поведения самого префекта.

Свои войска Понтий вынужден был оставлять в главнейших опорных пунктах: Иерусалиме, самой Кесарии (приморской, где он сейчас находился), в главном галилейском городе Сепфорисе (наиболее эллинизированном). Эти точки были самыми главными. На время праздников Иерусалимский гарнизон усиливался подкреплениями из Кесарии и Галилеи. Такая система сложилась до Пилата и продолжилась после него до самой иудейской войны. Изменить в ней он ничего и не мог.

Войск было мало. И просить их было неоткуда. Римские провинции от Германии до Африки, повторим еще раз, в те годы оглашались разными мятежами. В начале царствования Тиберия в германских легионах отмечены были бунты и среди самих легионеров, требующих улучшения условий службы и своевременной отставки ветеранов с выплатой им положенного жалования⁸. В Сирии, провинции относительно спокойной, тоже не было ни единого лишнего солдата: по соседству была Парфия, уже давний и очень серьезный противник Рима, с которым по счастью в те годы не было горячей войны, но именно благодаря легионам на ее границе. Если бы захотеть расширить воинский контингент за счет наемников, то придется чем-то им платить, а значит, усиливать налоговый гнет, что опасно. Придется обходиться теми силами, что есть в наличии. А в наличии на одного римского воина приходилась чуть ли не тысяча человек местного населения, из которых две сотни легко можно было бы, как мы теперь скажем, поставить под штык.

Все это требовало от префекта весьма тонкой и сбалансированной политики. Ни в коем случае нельзя было спровоцировать мятеж – это смерти подобно. Но чтобы добиться этого, требовались не только уступки, но и какие-то проявления римской воинской доблести и силы, чтобы местные евреи все-таки не пытались сесть на шею, а побаивались бы римского меча. Понтий, конечно, не сомневался, что если дело дошло бы до ножей по-настоящему, то Рим прислал бы легион или два на подмогу и добился бы окончательной победы. Но дожить до нее кому-либо из его когорты практически не было шансов. Пройдет еще сорок лет, евреи действительно возьмутся за оружие, развяжут войну, которая в конце концов, окончится для них сокрушительным поражением, но первый римский гарнизон (а это был уже целый легион), евреи уничтожат полностью. Такой сюжет все римские прокураторы Иудеи просчитывали заранее. Исключение составил лишь последний из них Флор, поплатившийся за это потерей того самого легиона⁹.

Таково было, так сказать, условие задачи, поставленной Пилату самой жизнью и цезарем. Религиозный фактор включался в это условие, как дополнительное отягощение.

Внимательно выслушал Понтий центурионов, расспрашивая сведения почти о каждом из легионеров: сколько в строю, сколько больных, сколько ветеранов, приближающихся к сроку

или уже перешагнувших его. Он понимал, что эти люди – его главное здесь сокровище. Свое ответное слово префект решил высказать перед всеми имеющимися в наличии воинами гарнизона.

Когда гарнизон был построен, Понтий приветствовал воинов и сказал им так:

– Римляне, вы знаете, как непроста обстановка в этой стране и сколь ответственна ваша служба. Наша задача – поддержать здесь мир и спокойствие. Помощи со стороны и подкреплений нам не пришлют. По всей империи нашим братьям по оружию приходится еще тяжелее. Вы слышали, возможно, о восстаниях в Германии, в Паннонии, в Карфагенской области¹⁰. Там случается настоящая война. Здесь же наша задача состоит в том, чтобы войны не допустить. Мы должны здесь во всем следовать примеру нашего цезаря, да хранят его боги. Я видел, как он командовал легионами в Германии и добивался существенных побед. Нас же он учил тому, чем сам владел в совершенстве: заботе о своих воинах, чтобы никакие больные и раненные не были оставлены. Он всегда умел избежать большого кровопролития, его легионы всегда несли малые потери, и за это воины очень любят его¹¹. Я, сколько в моих силах, тоже постараюсь избегать всякого кровопролития. Но это не значит, что ваша жизнь станет праздной. Наш враг – а это мятежники, постоянно подрывающие и наше спокойствие и жизнь местного населения, – коварен и опасен, ибо действует из темноты и ночью. Но в столкновении лицом к лицу он против нас слаб. Если нам придется столкнуться с ним, нам нужна только победа, причем не большой ценой. Мы можем достигнуть ее, только постоянно упражняясь в строевой подготовке, в умении действовать всеми видами нашего оружия. Только ежедневные тренировки позволят нам быть всегда страшными для врагов. Мы обязаны малой кровью (иногда и своей!) предотвращать большое кровопролитие. Но малой должна быть и кровь наших противников. Наше силовое действие никогда не должно превышать меру закона и необходимости. Мы обязаны поддерживать закон, а это значит, что сами, соблюдая его, не имеем права отягощать население. Если закон разрешает нам возложить свою ношу на местного жителя на одну милю, – не заставляйте его нести и вторую милю. И так во всем, включая применение силы. Если, образно говоря, евреи перед нами начнут наглеть и потребуются ударить их по щеке – ударьте. Но только по одной, а дальше посмотрите. Если наглец остепенился, не надо бить его и по другой щеке. Помните урок Паннонского предводителя бунтовщиков по имени Батона. Сам цезарь спросил его, взятого в плен, зачем они стали воевать. Этот Батон ответил: потому что вы прислали надзирать за стадом не пастухов и даже не собак, а прямо волков¹⁰. Никто из вас не имеет права оказаться таким волком или собакой! Как бы вы ни относились к евреям, но спровоцировать их восстание своей жестокостью или мародерством – это преступление против всех нас, против всех своих боевых товарищей, против Рима и цезаря. Если чья-то глупость, жадность или жестокость спровоцирует большую войну, мы на ней погибнем все до единого, потому что у них всегда окажется огромное численное превосходство. Подкреплений нам не пришлют, неоткуда. Кроме того, если мы озлобим евреев, они могут составить союз против Рима с парфянами и аравийцами. Тогда гибель легионов Красса в Парфии или даже гибель трех легионов в Тевтобургском лесу покажутся мелочью перед той потерей, которая ожидает Рим. После признаний Батона цезарь внимательно следит за любыми злоупотреблениями римлян в провинциях, все жалобы местного населения рассматриваются и меры принимаются. Мы должны быть постоянно внимательны и воздержны во всем, полностью исключить и жадность, и жестокость со своей стороны. Так подсказывает нам сама жизнь, так учит нас пример цезаря. Этого и я собираюсь требовать от вас. И для начала я прошу от вас осторожности. Один римский воин в городе или в поле уязвим для удара сзади. Гораздо менее уязвим наш строй даже перед существенно превосходящими силами врага. По этой земле мы должны передвигаться только отрядами. Всегда иметь при себе свое оружие исправным и наточенным. Наша сила во взаимной выручке. Ни один больной или раненный, потерявшийся по каким-то причинам воин

не должен быть оставлен на произвол судьбы. Особая ответственность ложится на центурионов. Прошу вас не просто слушаться их, но понимать с полуслова, принимать, как отцов своих. Если при нашей малочисленности у нас не будет внутреннего единства, мы будем обречены. Я лично буду постоянно смотреть за вашими воинскими упражнениями и готов вникать во все ваши нужды. А при случае, если понадобится, в бой пойдем вместе.

Речь нового префекта была встречена гулом одобрения. Понтий чувствовал, что постепенно он начинает входить в круг своих дел и обязанностей, и надеялся, что справится с ними неплохо. Когда уже легионеры расходились по казармам, к нему обратился Корнелий¹², центурион того отряда, что квартировал непосредственно в Кесарии:

– Ваше превосходительство, главный административный центр здешней провинции находится все-таки в Иерусалиме. Там сконцентрировано все еврейское начальство, там их синедрион, то есть совет жрецов, которому принадлежит все местное самоуправление. В общем, основные дела решаются там. Там же накапливаются и судебные дела, требующие нашего, римского решения. Сколько помню, большую часть своего времени наш префект пребывал именно там.

– Да, я слышал. Немного обустроимся здесь и через несколько дней поедем.

Так и порешили. В обычное время Корнелий со своим отрядом контролировал не только Кесарию, но и, по сути, всю приморскую часть Иудеи вплоть до египетской границы. В отсутствие префекта он держал саму резиденцию в Кесарии.

Глава 2

В Иерусалим

Поездка в Иерусалим оказалась делом не столь простым. До Иерусалима было два дневных перехода. Посередине, в Антипатриде, предполагалась остановка на ночлег. Разумеется, требовался конвой для сопровождения. Пока шли все эти приготовления, Понтий разговаривал с Гармизием о местных обычаях. При их разговоре присутствовала и Клавдия, становившаяся теперь первой женщиной в городе. И если в Кесарии она освоилась быстро, как в любом греческом городе побережья, то Иерусалим, согласно предостережениям Гармизия, казался совершенно иным миром, причем, скорее враждебным, чем дружественным.

– Евреи народ особенный, даже исключительный в своем роде, – наставлял Понтия опытный грек. – Я имею в виду набожных в их среде. Для них верность их Богу превыше всего, а главным способом угодить своему Богу они почему-то почитают гнушение всем так называемым нечистым и запрещенным. И прежде всего, в нечистых ходят все иноплеменники, особенно необрезанные, ну, то есть, в сущности все вообще не евреи. Даже те, кто говорят и думают на одном с ними языке, как например, самаряне. Порядочный еврей с такими не будет есть вместе, не будет пользоваться с ними одним жилищем, одеждой, посудой. Ему не подарить подарка, и сам он вряд ли что-то подарит.

– И как же с ними вести переговоры, например? – спросил Понтий.

– Ну, где-то на нейтральной территории. Во дворце Ирода, например. В крайнем случае, можно и в Антониевой крепости, где-нибудь на площадке при воротах. Внутри помещения они не войдут.

– И угостить их тоже нельзя? – поинтересовалась Клавдия, – например, вина налить?

– Нет-нет, лучше не пробовать, – заверил Гармизий. – Большую часть наших продуктов им есть нельзя. Что-то явно считается нечистым, например, свинина, а другое приготовлено, как нечистое, потому что сами же мы все для них нечисть.

– И что они все такие?

– Нет, а только особо фанатичные религиозные. Но с ними-то и придется иметь дело. Их простые люди и в пище неприхотливы, и общаться с ними можно нормально, но с раввинами и жрецами все очень сложно.

– А раввины – это кто такие? – поинтересовалась Клавдия.

– Это учителя их, – ответил Понтий, – что народ учат в синагогах.

– Да, – добавил Гармизий, – и они имеют большее влияние на народ, они входят в синедрион вместе с жрецами, и они еще глубже привержены этим своим дурацким правилам.

– Получается, если они пользуются авторитетом, то и все простые с них берут пример?

– Ну, авторитетом, пожалуй, они пользуются, – неопределенно протянул Гармизий, – только пример с них брать трудно. Это ж надо особое устройство ума иметь. Шагу не шагни, чтобы обо что-то нечистое не обмараться. Такое могут себе позволить лишь те, кому о хлебе насущном беспокоиться не требуется. При этом далеко не все священники и раввины бездельничают. Некоторые и работают. Но у них и работы тоже должны быть чистыми. Кожевенное ремесло, например, считается нечистым из-за того, что там шкуры вымачивают. Сложнейшая система, я сам в ней плохо разбираюсь¹³.

– Ну, а нам чем все это грозит? – спросил Понтий.

– Не знаю. Но просто нужно быть готовым, что они на каждом шагу будут нам говорить, что здесь этого нельзя, а там того нельзя. И всю эту дурь приходится как-то уважать.

Он чуть помолчал и добавил:

– Раньше, при Августе и Ироде со всем этим было намного проще. Ирод все-таки был царем. Он был наполовину иудеянин, его не очень уважали. Возможно, раввины и сами считали его нечистым. Но, как военачальник, он себя показал хорошо, меч в руке держал крепко, с Августом поладил очень быстро. Хотя до этого был близким другом Антония, но когда Антоний был Августом побежден, мгновенно сумел поладить и с Августом. Так вот, при поддержке Августа Ирод всю эту еврейскую мелочную систему нечистот не уважал. Города строил с банями и театрами, – да вы сами видите, в одном из этих строений мы сейчас сидим¹⁴. И ему все это жрецы прощали, хотя и косились, а куда им деться? Он был царь. С Иродом поладить было можно. С ним можно было обедать за одним столом. А теперь все это в прошлом.

– Да, мы знаем, – сказал Понтий. – После Ирода порядочного правителя у них как-то не находилось. Сам Август еще с этим помучился. Нет порядочных правителей. Что этот Архелай, что Антипа, что Филипп. Все не того полета птицы¹⁵.

– Ну, да. Вот и пришлось разделить всю эту землю, по кусочку дать одному и другому. А я думаю, между нами, – Гармизий понизил голос, – Ирод сам виноват. Если бы он не казнил Мариамну и ее детей, у него были бы хорошие наследники. Александр и Аристокл учились в Риме, всю жизнь провели в порядочном обществе¹⁶. Кто-нибудь из них мог бы... Эх, да. Ну, что поделаешь, все в прошлом. А пока, над Галилеей Ирод Антипа, Филипп дальше еще, в Трахонит-ской стране, а здесь в Иерусалиме царя и нет. Вся власть у коллегии жрецов, все местное управление. Поэтому так все набито их религиозностью, что и шагу не шагнуть спокойно.

– Ладно, завтра выдвигаемся, – сказал Понтий, – посмотрим на месте.

– Только, пожалуйста, выходите без орлов, – вдруг попросил Гармизий, как бы решившись на трудное слово. – Если попытаете внести внутрь города орла, скандал будет выше небес. Прямо на улице могут с камнями наброситься. Фанатики! Еще при Ироде дело было, когда он медное изображение орла хотел было поставить на воротах. Ну, поставил – через несколько дней разбили и устроили мятеж с кучей убитых¹⁷. Это при Ироде-то! С тех пор никто не смеет.

– М-да. Интересно. Это уже, значит, с самого начала нас на место ставят? – возмутился Понтий.

– Ну, как угодно, но это уже традиция. То, что можно нам в Кесарии, там, в их святой земле нельзя никак. Ну, проверено это, игемон! Нельзя. Никто давно уже не пробовал, и нам не стоит.

Путешествие до Иерусалима прошло спокойно. Дорога поднималась вверх по холмистой или гористой местности. Большей частью эта земля мало пригодна для сельского хозяйства – в отличие от Галилеи и Заиордания. Вся человеческая жизнь здесь протекала вокруг оазисов. На середине пути, в конце первого дня путешественников встречал город Антипатрида, также построенный Иродом Великим и названный им в честь своего отца. Второй день пути приводил уже в сам Иерусалим.

Заходящее солнце освещало знаменитый и красивейший город того, древнего мира. Наши путники входили Яффскими воротами, что находятся в северо-западной части древнего города. Отсюда открывался вид на Храм, на дворец Ирода и Антониеву крепость. Огромные стены на крутых обрывах и над всем великолепием храмового ансамбля производили глубокое впечатление. Но на улицах города римскому отряду было крайне неудобно. Римлянам здесь никто не радовался. Многолюдство быстро исчезало по мере приближения строя воинов. А ведь нужно было проследовать через весь город поперек его в Антониеву крепость, возвышавшуюся рядом с Храмом¹⁸. Здесь и остановились на ночлег.

Поутру нового префекта приветствовала делегация во главе с первосвященником. То был Иосиф Каиафа, поставленный еще при Валерии Грате, и оставшийся первосвященником до

самых последних дней пребывания Понтия Пилата в должности. С первого же взгляда в нем угадывались целеустремленность и настойчивость.

Как и предсказывал Гармизий, встреча прошла во дворе Антониевой крепости под открытым небом, без всяких там церемоний и рукопожатий. В современном дипломатическом обиходе такие встречи называются: на ногах.

Разговор их с Понтием не коснулся никаких серьезных предметов. Иосиф владел греческим языком довольно хорошо. Обычные слова приветствия и вежливости, обычные в таких случаях пожелания и надежды на конструктивное взаимодействие, в общем, слова, не стоящие воспроизведения на бумаге. Но оба соперника при этом внимательно изучали глазами друг друга, понимая, что соперничество меж ними будет, и оно не будет легким. Оба пытались нащупать слабые места в характере друг друга. Понтий понял, что перед ним человек не слабого нрава, попятить которого будет крайне трудно.

У нас принято говорить, будто в те годы римские наместники сменяли первосвященников и таким образом будто бы могли управлять синедрионом. На самом деле, это довольно поверхностное суждение. Валерий Грат за свои десять лет пребывания в должности сменил пятерых первосвященников, причем все они были родственниками друг другу, происходя из семьи одного и того же Аннана, которого Валерий сместил первым¹⁹. И что значит: сменил? Рекомендовал синедриону подыскать другого кандидата. Ему выставляли. Вместо известного и чем-то не угодившего человека появлялся другой, на этот раз неизвестный и, быть может, способный на еще более тяжкие досаждения римской власти. Проверить это заранее не было никакой возможности. Эти кандидаты не суть наследники престола, жизнь которых протекает у всех на виду задолго до того, как они примут трон. Каждый новый первосвященник, выдвигаемый синедрионом на утверждение римскому наместнику, это для него человек, вынырывающий из темноты. Да, у игемона была возможность сменить это шило на это мыло, но давало ли ему это реальную власть над синедрионом, состоявшим из семидесяти лиц в состоянии скрытого соперничества между ними самими? Едва ли. Про Понтия точно известно, что он первосвященника Иосифа Каиафу так и не сменил ни на кого другого за все время своего правления. За все эти десять-одиннадцать лет они так и остались, выражаясь современным языком, противостоящими партнерами.

С благословения первосвященника Понтий с женой осмотрел храмовый комплекс с высоты колоннады. Вся территория храмовых построек была обнесена этими колоннадами по периметру всего прямоугольника, а выход на них был прямым из Антониевой крепости. Таким образом, римская стража имела возможность сверху наблюдать за всем происходившим во внутренних дворах и своевременно заметить какие-либо беспорядки. А с земли, со священной земли Сиона, внутрь двора вход необрезанным был категорически воспрещен, о чем имелись надписи при входе во двор Израиля. Надписи были составлены по-гречески и по-латыни и провозглашали нарушителя виновником собственной смерти²⁰. Увидев с колоннады одну из таких табличек и спросив о ее содержании, Понтий с мрачным юмором сказал Клавдии тихо и по-латыни, чтобы никто не слышал:

– Это, Клавдия, мы ими владеем, это мы их угнетаем и обираем. В общем, проходу не даем.

– Точно. Проходу не даем, – рассмеялась Клавдия в ответ.

В целом город, несмотря на свое внешнее благолепие и даже помпезность, произвел на римлян гнетущее впечатление. Слишком он был чужой, слишком не похож на обычные греческие и римские полисы.

– Слишком он ритуально чист для нашего здесь присутствия, – съязвила Клавдия, начавшая проситься обратно в Кесарию с первого же дня пребывания в нем. Но, конечно, одним днем ограничить свое пребывание в Иерусалиме было невозможно.

Среди прочих встреч важным было и то, что Понтий внимательно осмотрел саму Антониеву крепость и все расположение гарнизона под началом центуриона Лонгина²¹. Лонгин оказался человеком сообразительным и решительным. Он сумел добиться главного: в городе у него были свои глаза и уши. Несколько евреев, мытари и близкие к ним лица, слушали разговоры соплеменников на улицах и торжищах и при нужде давали Лонгину знать о возможных неприятностях. Это позволило ему провести несколько удачных операций по разгону мятежников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.